

Глава 5. Бедняк богатеет

Ван-ши сидела на почётном месте, на ней было платье цвета бамбуковой зелени с перекрёстным воротом, украшенное набором тёмно-зелёных нефритовых подвесок. Она разговаривала с главным секретарём дворца Нин — человеком, чьи манеры невольно напомнили Пэй Ситину его учителя из средней школы и дядюшку, продававшего блинчики.

После того как он уехал учиться за границу, ему часто приходили сообщения в WeChat от того самого дядюшки. Простой, деловитый мужчина средних лет не умел говорить красивыми словами — он просто присылал пару фотографий: дымящиеся блинчики и своего послушного пёсика, который верно сторожил лоток. Так он выражал заботу о своём постоянном покупателе.

Жаль, что больше ему не доведётся его увидеть. Пэй Ситин не знал, получил ли дядюшка ту тележку для закусок, что он ему отправил, и собачий мотоцикл «Щенячий патруль» для его пса... Он лишь надеялся, что этот человек и собака будут каждый день счастливы и что у них будет всё, чего они пожелают.

Пэй Ситин опустил веки, вспоминая стеклянные чётки наследного принца. Пожалуй, и ему стоило бы сделать себе такие — чтобы перебирать их, когда на сердце тяжело.

Чётки принца были из чёрного стекла. Чёрный относится к стихии воды, вода сдерживает огонь — значит, они защищают от пожара. Чёрные чётки используют в практике гневного Лотосового Мастера*. Выходит, сердце принца — вовсе не монолит без единой трещины.

Главный секретарь, отпив чаю, наконец объяснил цель визита. Оказалось, что король Нин собирается через несколько дней устроить ежегодный пир Цициа на горе Писся, и ему нужны несколько живописцев.

Пир Цициа — это ежегодный праздник, проводимый в день «Зерна в колосе»** по лунному календарю. Его устраивают для детей придворной знати: чтобы они могли дружить... а если не смогут — то для них предусмотрена площадка для перетягивания каната. Пир проводится по очереди детьми знатных семей. В этом году очередь короля Нина. Он не любит любоваться цветами и плести верёвочные украшения, зато хочет организовать скачки и охоту.

Говорят, король Нин очень ценит внешность: все, кто приближён к нему, красивы. Поэтому и художников на этот раз собирались выбирать из разных семей.

Главный секретарь посмотрел на двух братьев, стоявших в зале. Пэй Цзинтан — он видел его несколько раз: красивый, щедрый юноша. Но вот Третьего Пэя он видел впервые... И тот был и вправду очень хорош собой.

— Третий юный господин Пэй умеет рисовать и ездить верхом? — спросил секретарь.

— Немного знаком с этим, — ответил Пэй Ситин.

Ван-ши слегка нахмурилась и посмотрела на Пэй Ситина. Она прекрасно помнила, что ездить верхом он не умеет. Но раз люди из королевства Нин были ещё здесь, сказать ничего нельзя. Узнай кто, что их сын солгал — куда девать лицо семьи Пэй?

Главный секретарь посмотрел на стройную фигуру Пэй Ситина, на тонкие запястья, резко выделявшиеся на белоснежной коже. Такой слабый вид... совсем не похож на того, кто способен сидеть в седле. Но раз Пэй Ситин не выглядит человеком, который говорит неправду,

он лишь сказал:

— Двадцать девятого числа этого месяца оба юных господина должны прибыть на гору Писся. Там будет оживлённо: много вкусного, много забав.

Он положил два золотых приглашения, дал ещё несколько указаний и поднялся, чтобы уйти.

Управляющий, ожидавший у дверей, поспешил проводить гостя.

Ван-ши однако снова опустилась на сиденье, не говоря ни слова. Оба брата подумали одно и то же: сейчас начнётся нотация.

И действительно — Ван-ши заговорила строгим голосом:

— Король Нин — человек высокого положения. Естественно, он горделив и нелегок в обращении. На скачках будет много детей благородных родов, у каждого — свой характер. Стоит чуть оступиться — легко кого-нибудь обидеть. Помните об этикете, соблюдайте правила, не робейте, но и не лгите, не пытайтесь покрасоваться, навлекая беду на семью.

Пэй Ситин витал в облаках. Почувствовав строгий взгляд на себе, он понял, что эти слова адресованы ему.

Он пропустил большую часть мимо ушей и лишь сказал:

— Не волнуйтесь, матушка.

Пэй Цзинтан тоже сказал:

— Не волнуйтесь, матушка, я присмотрю за третьим братом.

Ван-ши хотела было заставить Пэй Ситина признаться, чтобы найти повод отозвать приглашение. Но, услышав это, она только нахмурилась ещё сильнее:

— Обещать вы мастера... но если что-то случится — наказание будет серьёзным.

Ван-ши поднялась и ушла. Пэй Ситин и Пэй Цзинтан пошли обратно вместе.

По дороге Пэй Цзинтан сказал:

— Я же помню, ты не умеешь ездить верхом. Несколько лет назад пытался учиться, так чуть ногу не сломал — с тех пор и не садился на лошадь.

Пэй Ситин действительно упал, когда впервые учился верховой езде, но, пару раз упав, всё-таки научился. Он повернул голову, встречая любопытный взгляд Пэй Цзинтана, и смущённо улыбнулся:

— Я тайком снова пошёл учиться. Неловко же, если всё время падать.

Пэй Цзинтан с самого начала чувствовал, что третий брат сегодня какой-то другой: он не робел, когда пришёл в передний зал поприветствовать мать, спокойно и уверенно говорил перед гостями. Но сейчас, увидев эту знакомую улыбку, он почему-то испытал лёгкое разочарование.

— Что тут неловкого? — сказал он. — Я тоже падал, когда учился. И не подумай, что я буду

смеяться.

Пэй Ситин слышал в его голосе ту доброжелательность и теплоту, которые Пэй Цзинтан так старательно выражал.

Пэй Цзинтан терпеть не мог, когда Ван-ши заставляла его целыми днями сидеть за столом, готовясь к императорским экзаменам, и не переносил бесконечных уроков этикета. Он мечтал стать странствующим учёным, путешествовать по миру. Даже если придётся жить в полуразвалившемся храме и носить грубую холщовую одежду — для него это и была свобода. Он был открытым, лёгким на подъём, с юношеским размахом в душе. А «Пэй Ситин» — наоборот: мягкий, покорный, пустотой внутри, боязливый во всём. Подружиться с Цин Линьлинем было одним из редких его порывов наружу. А когда Цин Линьлиня не стало в оригинальной истории, «Пэй Ситин» быстро сник.

— Я и не думал, что ты будешь смеяться, второй брат, — сказал Пэй Ситин. — Не пойми меня неправильно.

— И не пойму. Если всё время думать слишком много — сердце станет узким, — Пэй Цзинтан похлопал его по плечу. — На пире Цициа не бойся, следуй за мной — и всё будет хорошо.

Следуя за тобой, всё как раз и пойдёт плохо, ясно? Там же будут толпиться все эти подлые «гуны» у тебя под ногами. Но вслух Пэй Ситин лишь благодарно сказал:

— Тогда прошу тебя позаботиться обо мне, второй брат.

— Между братьями не надо так церемониться, — сказал Пэй Цзинтан. — Слишком много «спасибо» — звучит как будто мы чужие. — Он обнял Пэй Ситина за плечи. — У нас семья маленькая, нам не нужно соперничать. Расслабься. И честно говоря, если ты когда-нибудь превзойдёшь меня и прославишь род Пэй — я тебя ещё и поблагодарю!

— Хорошо. Но честь рода всё же должен приносить второй брат, — ответил Пэй Ситин.

Пэй Цзинтан удивился — раньше Пэй Ситин немедленно бы отпрянул от темы и нервно сказал бы: «Неприлично обниматься за плечи».

И всё это — из-за того, что мать слишком строга! Что плохого в том, чтобы обняться с братом?

Поэтому сейчас Пэй Цзинтан был даже рад. Из любопытства он обнял Пэй Ситина ещё раз, а потом сказал:

— Ладно, идём. В другой день я выведу тебя — сошьём тебе новую одежду.

— У меня ведь...

— На таких приёмах собираются дворяне. Даже если тебе всё равно, кто красивее, одеться прилично нужно. Иначе начнут судачить, будто мать урезала тебе месячное жалованье. А дойдёт до неё — опять отругает. — На самом деле Пэй Цзинтану было глубоко плевать на эти сравнения, но он отлично знал, как сильно третий брат боится мать, и переживал, что после очередной выволочки тот снова станет прежним.

Он похлопал Пэй Ситина по плечу:

— Решено. Я пошёл.

Пэй Ситин больше не стал отказываться, лишь кивнул:

— Второй брат, будь осторожен.

Пэй Цзинтан ушёл, шагая величаво, но, дойдя до угла, не удержался — подпрыгнул. Тоже ведь птица в клетке, но с живым умом: всё думает, как бы вылететь наружу.

Пэй Ситин проводил его взглядом, потом оглядел двор и подумал: ухватиться за ногу наследного принца — дело непростое. Но если это поможет сохранить жизнь — стоит попробовать. А лишние связи тоже не повредят.

Пир Цициа — хороший шанс.

Пэй Ситин вздохнул и пробормотал:

— Надоело всё...

Вот бы Шангуань Цзе и прочие мерзавцы взяли да и споткнулись, померли без причины.

•

— Безмозглые идиоты! — Шангуань Цзе швырнул чашку, яростно выкрикнув: — Не увидели! Не увидели! Да что он — крылья отрастил и улетел?!

Двое, отвечавшие за слежку, стояли на коленях перед кушеткой, оба мертвенно бледные. Один из них сказал:

— Юный господин, прошу вас понять! Мы правда не халтурили, но с прошлой ночи и до самого возвращения никак не смогли увидеть третьего Пэя!

— Заткнуться! — голова у Шангуань Цзе и без того раскалывалась, а тут как будто распухла ещё сильнее. Он прижал ко лбу белую ткань, откинулся на подушки — кулаки хрустнули.

Если кража По Иньлиня станет достоянием общественности, ответственность за пропажу императорского дара ляжет на него. Поэтому, придя в себя ночью, он мог только втайне отправить людей на поиски. Люди из мира боевых искусств умеют скрываться особым образом, а вор оказался искусным, не оставил ни следа — найти его было непросто. Но страннее всего было то, что Пэй Ситин тоже бесследно исчез.

Шангуань Цзе посылал людей в Павильон Мандаринов. Цин Линьлинь откровенно сказал, что приютил Пэй Ситина на ночь, но тот ушёл утром. Отвечал он при этом весьма заносчиво. Из-за влияния принца Нина обращаться с ним грубо было нельзя.

Привратник тоже видел, как Пэй Ситин покинул Павильон Мандаринов, но дальше по дороге никто не замечал, куда тот направился. И домой, в особняк Пэй, он тоже не вернулся... Неужели вор По Иньлиня убил его и бросил тело где-нибудь в пустоши?

Шангуань Цзе бесился вовсе не от волнения о Пэй Ситине — нет, просто у того кожа действительно чудесная. Было бы жаль, если б он вот так взял и умер.

— Юный господин! — страж вбежал в комнату. — Мы его нашли.

Шангуань Цзе резко отбросил одеяло, но раны на лбу и внизу живота тут же напомнили о себе — он застонал сквозь зубы.

Страж хотел подойти поддержать его, но Шангуань Цзе поднятой рукой остановил:

— Где он?

— В особняке Пэй. Сегодня люди из дворца короля Нина ездили туда вручить приглашения на пир Цициа двум молодым господам. По дороге мои люди встретили одного из слуг, спросили невзначай — оказалось, что третий Пэй сегодня действительно был дома.

— Утащить этих двоих и дать по двадцать плетей, — холодно бросил Шангуань Цзе, даже не взглянув на волочимых за дверь. — Пир Цициа... Он и вправду осмелился туда пойти.

Страж опустил глаза и молча зажёл в душе палочку благовоний за упокой Пэй Ситина.

•

— Какие благовония?

Днём, двадцать первого числа, Пэй Ситин и Пэй Цзинтан выбирали ткани и фасоны в магазине на улице Янлю, а затем зашли в соседнюю лавку благовоний. Не успел Пэй Ситин ответить, как Пэй Цзинтан уже наклонился к маленькому флакончику в его руках, втянул запах и перечислил:

— Лимонное вино, цитрон, чайный аромат, имбирь... и вроде как ещё мускус...

— Нюхач, — сказал Пэй Ситин.

Он не любил часто менять ароматы. Раньше одним из его самых любимых был «Игривый джин-тоник». Разумеется, в Дайе такой не найти. Зато это благовоние было немного похоже — и приятно пахло. Хотя оно и пастообразное, но не липнет, а после нанесения пахнет мягко, не слишком сильно.

Пэй Ситин подошёл с баночкой к прилавку, и хозяин назвал цену — двадцать лян.

— Сколько?! — Пэй Цзинтан едва не задохнулся.

В столице всё дорого. Покупать что-то в лучшей лавке — всё равно что прийти к ним, открыть кошель и сказать: «Грабьте меня, грабьте». Его третий брат обычно сразу же положил бы благовоние обратно, покраснев... Да ладно, если тот наконец захотел что-то купить, то как старший брат он уж перетерпит и заплатит.

Пэй Цзинтан потянулся к сдувшемуся кошельку на поясе, но тут — шлёп — деньги уже лежали на стойке. А Пэй Ситин спокойно произнёс:

— Заверните.

— А? — Пока хозяин заворачивал баночку, Пэй Цзинтан приблизился к маленькому богачу и шёпотом спросил: — Откуда у тебя столько денег?

— Копил, — ответил Пэй Ситин. За последние две недели он тайком продал пару картин в художественной лавке и скопил немного.

Пэй Цзинтан, конечно, не знал, что брат дважды следовал за ним через стену подрабатывать, и теперь был потрясён:

— Ты что, мастер накопления? И это — твои годовые сбережения? И ты готов истратить всё разом на баночку благовоний? Она же крошечная! Если пользоваться каждый день — на месяц хватит.

— Мне нужно благовоние — я его и покупаю. В чём проблема? — Пэй Ситин взял у хозяина шелковый мешочек, убрал в рукав и посмотрел на Пэй Цзинтана. — Тебе тоже купить?

— Я купил тебе одежду, а ты хочешь мне отплатить? Спасибо, не надо, оставь для своих детей. Я благовония не люблю, — уверенно заявил Пэй Цзинтан. — Ты и правда... действительно... совершенно другой.

За эти дни Пэй Ситин понял: чтобы заводить связи, он не может идеальным образом копировать характер «Пэй Ситина». К тому же теперь он и есть Пэй Ситин, и даже если возникнут подозрения — доказать всё равно невозможно.

Братья не жили вместе круглые сутки, не знали друг друга так уж глубоко, так что чрезмерная игра не требовалась. Он повернулся и вышел из лавки:

— Правда?

— Да. Как будто душу тебе сменили, — Пэй Цзинтан пошёл следом.

— Ну, — сказал Пэй Ситин, — так сходи к монахам или даосам — пусть проведут обряд.

Лучше бы они отправили его обратно.

Жить тут вовсе не так весело: раньше он мог спокойно уйти в горы и весь день рисовать, теперь же вынужден сторожиться стаи подлых «гунов». Каждый шаг — словно крадёшься как вор. Утомительно.

К тому же его распорядок совершенно не совпадал с порядками особняка Пэй. Рано встать он может, но поздно лечь — нет. Если же хочется засиживаться, приходится изображать усердного ученика в кабинете. Даже выбраться украдкой — труд и морока.

Пэй Цзинтан загомонил:

— С чего бы мне тратить деньги на монахов? Наоборот, я давно хотел, чтобы ты стал таким. Я говорил, что человеку нужно иметь характер, иначе им везде будут помыкать... Цзинчжу?

Услышав это имя, Пэй Ситин поднял глаза.

У входа в лавку стоял мужчина в кремово-жёлтом одеянии из лёгкой вуали. Без головного убора; волосы перехвачены тонкой ленточкой цвета зелёного боба. Тонкое прекрасное лицо, украшенное парой нежных, словно оленьих, глаз.

Сейчас он смотрел прямо на Пэй Цзинтана, чисто и ласково, и окликнул:

— Брат Ханьчжан.

«Ханьчжан» — это церемониальное имя Пэй Цзинтана. Нынче не обязательно ждать четырнадцати лет, чтобы получить такое имя; детей знатных семей часто именуют им с рождения.

Пэй Ситин смотрел, как мужчина подходит и заводит разговор с Пэй Цзинтаном, улыбаясь.

Такое невинное лицо и первоклассная игра — вот что когда-то обмануло «Пэй Ситина», заставив его вручить себя этому «искреннему другу». А после того как его изнасиловали, он ещё и рыдал, поверив в виновность другого.

— Кто это? — спросил Пэй Ситин.

Тот взгляд вдруг метнулся на него. И Пэй Ситин отчётливо уловил в глазах этого человека короткий блеск.

Хе. Напускная искренность.

— Это мой третий брат, Ситин, — Пэй Цзинтан, не замечая тихой вражды между двумя «актёрами», похлопал Пэй Ситина по плечу и с энтузиазмом представил: — Ситин, это пятый сын из дворца короля Нина***.

---

*божество в тибетском буддизме, которое сдерживает зло, приносит внутренний покой и побуждает живые существа выбраться из пучины страданий

**девятый из 24 солнечных периодов китайского календаря, вступление его в силу приходится на начало июня

***в истории есть как король Нин, так и принц Нин - сын короля и наследный принц Дайе, обращайтесь внимание

<http://bllate.org/book/11881/1061449>